

Сулимов Станислав Игоревич, Черниговских Игорь Васильевич

ЭКСПАНСИОНИЗМ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В данной работе авторы, опираясь на отечественные исследования, рассматривают феномен экспансии и выделяют ее различные типы, исходя из целей, которые ставит перед собой общество-экспансионист. Различают политическую, экономическую, культурную и идеологическую экспансию. Последствия завершившейся экспансии напрямую зависят от характера, который она носила. Поэтому в наши дни регионы, прежде осваивавшиеся европейцами-католиками, европейцами-протестантами и православными русскими, заметно отличаются друг от друга.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 157-160. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 316.33

Философские науки

В данной работе авторы, опираясь на отечественные исследования, рассматривают феномен экспансии и выделяют ее различные типы, исходя из целей, которые ставит перед собой общество-экспансионист. Различают политическую, экономическую, культурную и идеологическую экспансию. Последствия завершившейся экспансии напрямую зависят от характера, который она носила. Поэтому в наши дни регионы, прежде осваивавшиеся европейцами-католиками, европейцами-протестантами и православными русскими, заметно отличаются друг от друга.

Ключевые слова и фразы: экспансия; колониализм; католицизм; капитализм; православие.

Сулимов Станислав Игоревич, к. филос. н., доцент
Черниговских Игорь Васильевич, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный университет
sta-sulimov@ya.ru; igrchernigovskix@rambler.ru

ЭКСПАНСИОНИЗМ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В наши дни западные и отечественные СМИ бьют тревогу относительно массового притока ближневосточных и африканских мигрантов в страны Западной Европы. Во Франции и Великобритании уже несколько десятилетий существуют легальные мусульманские общины, консолидирующиеся вокруг мечетей и даже отстаивающие свои интересы при помощи политических партий («Союз мусульман Франции»). Одновременно с этим возрастает интерес к исламу со стороны этнических европейцев, наблюдаются даже случаи их перехода в ислам. Возникает закономерный вопрос: как возможен такой стремительный реванш мусульманского мира, который меньше ста лет тому назад был буквально поделен между европейскими колониальными державами? Еще удивительнее выглядит недавнее возникновение в Великобритании и Франции «черных» районов, населенных выходцами из Африки. Неужели европейская экспансия XVII–XX вв. при полном политическом и экономическом торжестве не смогла проникнуть в исламскую культуру или ассимилировать африканские племенные общности? Или, может быть, эта экспансия не ставила перед собой таких задач? На эти и другие вопросы мы дадим ответы в данной работе.

Прежде чем говорить о процессе экспансии, надлежит определить этот феномен. Отечественный исследователь Б. Н. Шапталов полагает, что экспансия – это одна из форм социального движения, связанная с влиянием одного общества на другое: «О том, что система экспансионизма сложилась, можно уверенно утверждать в том случае, когда тот или иной народ и представленное им государство начинает влиять на течение истории достаточно большого числа этносов в цивилизационно определяющих их жизнедеятельность сферах, прежде всего в экономике и культуре. Просто захват одного государства другим, как правило, ограничивается сменой состава правящей элиты, изменением границ государства, но не обязательно изменением принципов существования подчиненного народа. Поэтому необходимо различать голую агрессию и экспансионизм» [6, с. 17]. Таким образом, экспансия необязательно связана с завоеванием. Примером экспансии, протекающей мирным путем, может служить распространение христианства в античном мире. И, наоборот, неприкрытая военная агрессия, победоносная, но бесплодная, – пиратские рейды Френсиса Дрейка и Степана Разина. При этом экспансия необязательно затрагивает одновременно все сферы общественной жизни: «Экспансионизм может проявляться не во всех, а лишь в отдельных сферах (например, в экономике или идеологии). Но и в этом случае народ может достичь столь высоких результатов, чтобы оказывать огромное влияние на жизнь многих народов» [Там же, с. 36]. Б. Н. Шапталов выделяет такие виды экспансии, как политическая, экономическая, культурная и идеологическая. К политической экспансии относится господство завоевателей над завоеванными, которое не может быть долгим и прочным без экономического превосходства. Экономическая экспансия представляет собой создание производительных сил за счет привлечения ресурсов, принадлежащих другим народам. Это может быть как систематическое ограбление соседних территорий при помощи набегов и неравноправной торговли, так и создание взаимовыгодных партнерских отношений по инициативе одной из сторон. Культурная экспансия выражается в распространении знаний и верований по широкому ареалу и стимулировании ими творческого потенциала у людей и групп, изначально не принадлежащих к их адептам. Идеологическая экспансия – это распространение идеологической доктрины в различных группах одного общества, в ходе которого идеология становится побудительным мотивом для своих сторонников и приобретает официальный характер. Исследователь справедливо полагает, что экспансионистская система неразрывно связана с приоритетами общества, осуществляющего экспансию, и поэтому не существует единого для всех стран и эпох сценария.

Возвращаясь к обозначенным во вводной части статьи проблемам, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что современная афро-азиатская экспансия в Западной Европе может преследовать иные цели и носить иной характер, нежели носила в Новое время экспансия европейская. Но для того, чтобы сравнить два этих потока, необходимо уточнить цели, толкнувшие в XVI в. европейцев и русских на освоение новых земель и на контакт с отдаленными народами.

Говоря о европейской колониальной экспансии, важно различать в ней испано-португальский (религиозно-политический) и англо-французский (капиталистический, т.е. экономический) компоненты. Для католических

монархов Пиренейского полуострова конкиста в Новом Свете была продолжением крестовых походов, тем более что папа римский в 1494 г. разделил неизвестный мир между Испанией и Португалией и санкционировал христианизацию обнаруженных земель. Вот как описывает специфику испанской колонизации Мексики и Юкатана отечественный историк Д. В. Морозов: «Испанцы, купившись на полные возвышенной патетики письма Колумба, пришли было к еретической мысли, что открыли “земной рай”. Однако вскоре католики разобрались, что имеют дело скорее с “земным адом”. Острова, населенные людоедами и охотниками за головами, возвышающиеся над джунглями пирамидальные башни, по ступеням которых ручьями течет кровь жертв, одежды местных шаманов, сделанные из человеческой кожи... Миф рухнул. Все дальнейшие походы конкистадоров носили тот же оттенок, что и крестовые походы на Восток. Каждый солдат чувствовал, что он – часть невидимого небесного воинства, призванного сокрушить безумные народы, подавленные прямой власти Сатаны» [5, с. 164]. Бесспорно, среди завоевателей Америки было немало и отчаянных искателей приключений, и безбожных грабителей, но у истоков конкисты стояли все-таки рыцари (идальго) и монахи. Обязанность воспитывать местное население в католической вере была прямо возложена на колониальных помещиков испанским королем, а францисканские миссии покрыли Новый Свет густой сетью. Именно поэтому самым главным наследием европейского владычества в Латинской Америке является католицизм, который, несмотря на некоторую диффузию с местными верованиями, стал характерной чертой бывших испанских и португальских колоний.

Иным побудительным мотивом экспансии располагали Голландия, Англия и соперничающая с ними Франция. Протестантский религиозный запал исчерпал свою энергию в ходе религиозных войн, и на смену пуританскому пафосу Реформации пришел капитализм, экономически ориентированный феномен, в котором даже политика оказалась поставлена на службу торговле. Однако капитализм имеет не меньший потенциал агрессии, чем религиозное рвение католиков. Подробно исследовавший капитализм в его историческом развитии М. О. Мнацаканян пишет: «Капитал уже в период своего становления, создавая внутренний рынок и утвердившись в национальных рамках, одновременно проявлял тенденцию к самой широкой внешней экспансии: к новым открытиям, к захвату и освоению новых территорий, рынков, источников сырых материалов и т.д. Он должен был внедряться всюду, расширяться, втянуть все новые и новые страны и народы в орбиту своих отношений» [3, с. 18-19]. Движимые стремлением к бесконечному накоплению англо-голландские предприниматели и французские буржуа устремились в Новый Свет, «черную» Африку и на Дальний Восток, потеснили в этих краях испанцев и раскинули на весь мир сеть экономической экспансии. Если центрами католической колонизации были христианские миссии и укрепленные поселки переселенцев (например, монастырь францисканцев в основанной испанцами на Юкатане Мериде), то протестанты обосновались в торговых факториях, для охраны которых создали частные армии. Так, английская, французская и голландская Ост-Индские компании располагали внушительными военными формированиями, которыми пользовались как неэкономическими средствами поддержания коммерции. В результате природные и людские ресурсы Африки, Индии и Тихоокеанского региона превратились в товар на капиталистическом рынке. Начиная с эпохи трансатлантической работорговли (XVII-XIX вв.), хозяйственная жизнь африканских государств и племенных объединений оказалась разрушена и целиком подчинена нуждам европейских предпринимателей. Похожая судьба постигла в XVIII в. княжества Индии, а в XIX в. – императорский Китай. При этом политическое господство всегда ставилось европейцами-протестантами на второе место по сравнению с экономическим закабалением. Так, Британская империя к началу XX в. представляла собой настоящий конгломерат колоний, полуколоний и протекторатов, из которых всеми возможными способами выкачивалась прибыль. Но христианизация местного населения не интересовала колонизаторов, а европеизация местной элиты воспринималась лишь как возможность вырастить туземных агентов западного капитала. Одним из принципов английской колониальной администрации в Африке было полное невмешательство во взаимоотношения местных культур при условии, что каждая из них будет безвозмездно предоставлять свои ресурсы Англии. Такой подход легко маскировался под толерантность. Например, британский губернатор Нигерии Ф. Лугард так описывал принципы своего правления: «Обеспечить каждому народу самостоятельный путь развития в соответствии с местными традициями» [7, р. 87]. В результате такого господства после завершения деколонизации африканские и азиатские народы получили независимость, но их хозяйственная жизнь по сей день остается парализованной западным присутствием и политическими формами, навязанными ушедшими хозяевами. Если в бывших испанских колониях о европейцах напоминают католические храмы и монастыри, то об англо-французском владычестве – торговые марки и всепроникающие концессии.

И католическая, и капиталистическая экспансии породили отдачу, в ходе которой втянутые в их орбиту народы как бы пытаются вернуть часть колониального наследия бывшим господам. Католические регионы бывшего колониального мира горячо участвуют в жизни Римской Церкви. Например, нынешним папой римским под именем Франциск является аргентинский иезуит Хорхе Бергольо, а его главным конкурентом на выборах был чернокожий кардинал из Ганы Питер Тарксон. Иначе выглядят последствия капиталистической экспансии. В религиозном отношении она не дала миру ничего, кроме многочисленных протестантских сект синкретического характера, распространенных в Африке и Северной Америке. Зато ее экономические механизмы оказались непреложным условием для освоения европейских стран африканцами и азиатами. Массовая миграция выходцев из бывших колоний в Англию и Францию стала возможна только при поддержке местных коммерческих кругов. Отечественный журналист В. Арсеньев так описывает причины, побудившие в 1960-е гг. европейцев принять культурно чуждых пришельцев: «Европейским предпринимателям были нужны не только здоровые и, как казалось, неприхотливые работники, готовые обеспечивать экономики стран Западной Европы в самых тяжелых

и непрестижных сферах за минимальное вознаграждение. Была еще и задача сорвать классовую борьбу европейских трудящихся, подорвать влияние левых партий и сбить революционную волну, особо остро проявившуюся в 1968-1970 гг. Расчет делался и на то, что иностранцы охотно и без особых угрызений совести сыграют роль «штрейкбрехеров» [1, с. 50]. В рамках характерного для капитализма акцента на экономической экспансии идея оказалась не новой: ради коммерческих выгод европейские рабочие были безжалостно выброшены с производства и заменены на иностранцев. Только европейские буржуа на этот раз жестоко просчитались, потому что у их мусульманских протезов присутствует свой оригинальный экспансионистский потенциал.

В данной работе мы не имеем возможности специально обсуждать мусульманскую культурно-политическую экспансию, имевшую место в истории не раз, и отметим лишь ее самые основные черты. Вот как характеризует их компетентный исследователь: «Для того чтобы понять эту религию, необходимо помнить, что ислам – не то, что понимают под словом “религия” на Западе. Это не аналог Церкви или секты, чья цель – в преображении души человека. Скорее это некий глобальный социально-религиозный проект построения царства Божия на земле. В этом ислам близок к компартии, национал-социализму или нынешней глобализации. Для мусульман не существует разрыва между политикой и религией – это две стороны одного целого, регулируемого законом (шариатом), приписанным Аллахом. Именно поэтому всякая попытка построить ислам в неисламский порядок может существовать лишь до тех пор, пока последний достаточно силен, чтобы сдерживать исламский рост» [4, с. 148]. Принцип толерантности адептам ислама непонятен: их исповедание состоит именно в действии, а не в вере. Для мусульманина «терпимость» – это возможность открытой пропаганды своей религии, сегрегации по религиозному принципу и борьбы с иноверцами, потому что всего этого требует исламская доктрина, прямо охраняемая принципом толерантности. Получается, что своей терпимостью и гостеприимством европейцы не наладили культурный диалог, а проиграли культурную войну, не успев даже заметить ее начала. При этом ислам имеет и социально-политические проекты, которые почти никогда не реализовывались в государственных масштабах, но для многих людей оказываются притягательными. Речь идет о *шариате* (тождестве права, нравственности и религии), *закяте* (налоге для помощи бедным, который уплачивают все члены общины) и *джизье* (плате, взимаемой с иноверцев за веротерпимость). В то время как достоинства и недостатки европейского управления уже известны всему миру, ислам и его радикальное политическое крыло, исламизм, представляют собой неизведанную и потому притягательную новинку. В наши дни распространение ислама происходит даже в таких традиционно христианских странах, как Эфиопия. Например, с 1992 по 2007 гг. количество мечетей в Аддис-Абебе выросло с 8 до 80 [2, с. 94]. Именно этих экспансивных гостей пустили в Европу местные предприниматели. Их экономические интересы были на небольшой срок удовлетворены, а духовные различия бизнесменов мало интересовали. В свою очередь, мусульманам до поры неинтересны европейские экономические механизмы, если они имеют возможность устроить социальную жизнь своих общин в соответствии с религиозно-этическими принципами. Но в скором времени экономика и политика европейских стран их тоже заинтересуют, потому что шариат имеет предписания и на этот счет.

Если оценить характер и последствия русской экспансии, имевшей место в Новое время, то она была политически и религиозно ориентированной. Торговые интересы играли в ней важную, но не главную роль. Конечно, можно сравнить казаков Ермака, нанятых купцами Строгановыми, с частными армиями Ост-Индской компании, но присоединение Сибири велось при масштабной государственной поддержке, о которой просили сами казаки и которая ориентировалась не столько на торговлю пушниной, сколько на стратегические приоритеты страны. Первым русским первопроходцем Сибири можно считать крестителя Коми Стефана Пермского (1330-1396 гг.), т.е. начало русской экспансии положил православный миссионер. При этом христианизация местного населения проводилась плавно и только на добровольной основе, что не позволило добиться таких впечатляющих результатов, каких смогли достичь католики в Центральной и Южной Америке. Но в результате такого постепенного характера колонизации удалось создать гармоничное единство центра и периферии, которое не нарушается даже сейчас, когда духовные основы русской экспансии почти сто лет подвергаются эрозии.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что, поскольку типы экспансии различны, то и результаты ее тоже отличаются разнообразием. Католическое господство в Новом Свете создало в тех краях мощное католическое же движение, ставшее опорой папской курии и даже заместившее папскую должность своим представителем. Европейская экономическая экспансия ввергла осваиваемые регионы в духовный и политический хаос, хотя и обеспечила Европе небывало высокий уровень жизни. Но она же и распахнула двери Запада исламскому религиозно-социальному вторжению, которое не преследует коммерческих целей и поэтому не может быть остановлено экономическими мерами. Российская православно-политическая экспансия смогла создать прочное единство центра и окраин, в котором политический и духовный аспекты имеют одинаково важное значение.

Список источников

1. Арсеньев В. Багровые закаты над Европой // Азия и Африка сегодня. 2006. № 4. С. 50-52.
2. Крылов А. Африканский Рог: новые тенденции развития // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 9. С. 91-96.
3. Мнацаканян М. О. Глобальный мир и глобалистское мировоззрение: монография. М.: Анкил, 2013. 392 с.
4. Можно ли быть хорошим и не спастись? / сост. А. В. Фомин. М.: Новая мысль, 2013. 560 с.
5. Морозов Д. В. Конкистадоры. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 352 с.
6. Шанталов Б. Н. Теория и практика экспансионизма: опыт сильных держав. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 384 с.
7. Lugard F. The Dual Mandate in British Tropical Africa. Edinburg, 1965. 672 p.

EXPANSIONISM OF THE MODERN ERA AND ITS CONTEMPORARY CONSEQUENCES

Sulimov Stanislav Igorevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Chernigovskikh Igor' Vasil'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State University
sta-sulimov@ya.ru; igrchernigovskikh@rambler.ru

In the article the authors on the basis of domestic researches consider the phenomenon of expansion and single out its various types according to the goals that the society-expansionist sets itself. Political, economic, cultural and ideological expansions are identified. Consequences of the completed expansion directly depend on the nature it had. Therefore, at present, the regions formerly developed by Europeans-Catholics, Europeans-Protestants and Orthodox Russians differ significantly from each other.

Key words and phrases: expansion; colonialism; Catholicism; capitalism; Orthodoxy.

УДК 1(091); 17.0; 93

Философские науки

В основе каждого способа философствования лежит исторический тип мировоззрения. Тип мировоззрения не осознает свой преходящий характер из самого себя и вследствие этого отождествляет историческую последовательность с логической. Поэтому уяснить своеобразие каждого отдельного исторического периода можно, начиная исследование с наиболее развитой современной формы. В данной статье рассматриваются исторические типы мировоззрения, изучается генетическая типологизация как основание периодизации, анализируется прагматический подход к периодизации истории философии.

Ключевые слова и фразы: история философии; исторический тип; сознание; психика; понимание; интуиция; норма; интерес.

Счастливцев Александр Николаевич, д. филос. н., доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Тамбове
a.alter2010@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Введение

Закон каждой исторической эпохи, определяющий ее своеобразие, есть закон перемен. Философия выражает смысл этих перемен в краткой нормативной форме. Краткость выражения смысла обусловлена степенью абстрагирования, необходимой для рефлексии над психикой, мышлением и поведением. Поэтому подходы к периодизации истории философии определяются типом мировоззрения различных индивидуализированных эпох, имеющим нормативную структуру. Целью данного исследования является открытие закономерности историко-философского процесса. Методом исследования является сравнительный типологический анализ способов мышления в истории философии. В первом разделе рассматриваются исторические типы мировоззрения. Во втором разделе изучается генетическая типологизация как основание периодизации. В третьем разделе анализируется прагматический подход к периодизации истории философии.

1. Исторические типы мировоззрения

Историко-философский процесс, например от описания философских учений у Диогена Лаэртского до рефлексии над учениями у К. Ясперса и Б. Рассела, представляет собой движение от истории философии к философии истории философии. В частности, цивилизационный подход к периодизации истории философии выделяет исторические эпохи до понятий просвещения, романтизма, модерна и других. Формационный подход к периодизации представляет историко-философский процесс так, как будто периоды рядоположны друг другу. В конце концов, и в том и другом подходе названия эпох сводятся к хронометрическим длительностям. В результате ни в цивилизационном, ни в формационном рассмотрении не видно действительного психического и интеллектуального рельефа собственного процесса философской мысли каждой эпохи. В действительности закон каждой эпохи, хотя и схваченной в мышлении, как замечает Г. В. Ф. Гегель, есть закон перемен, который не виден из самой эпохи.

Каждая эпоха выражает свой собственный индивидуальный смысл. Но не каждая эпоха видит грядущие изменения. Поэтому необходимо, прежде всего, уточнить оба предмета периодизации – истории и философии. Предметом истории является способность учиться на ошибках. Гегель как-то заметил, что глупцы на ошибках учатся, в отличие от людей неглупых. Действительно, массовый человек может учиться на своих ошибках. Но задача культуры состоит в учебе на чужих ошибках. Культура есть работа личности над собой. Ни один социальный институт не функционирует сам по себе вне индивидуальной концентрации энергии конкретного исследователя или художника на предмете. Только индивидуальная работа личности над собой наполняет эти институты смыслом и приводит их в движение.

Предметом философии является способ мышления, выражающий смысл в краткой нормативной форме. Термин «мышление» означает поиск решения на бессознательном. Все формы мышления от понятия